

Религіозно-нравственное состояніе Н. В. Гоголя въ послѣдніе годы его жизни.

Послѣдніе годы жизни Гоголя характеризуются, какъ извѣстно, особенно высокимъ подъемомъ его религіознаго чувства. В. И. Шенрокъ, переходя въ четвертомъ томѣ своихъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ къ обзору его жизни за послѣднее десятилѣтіе, обращается къ „спеціалистамъ богословія“ съ предложеніемъ высказаться по касающимся ихъ спеціальности вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ жизнію великаго писателя за этотъ промежутокъ времени. Мы однако же думаемъ, что спеціалистамъ богословія тутъ нечего дѣлать. Дѣло въ томъ, что Гоголь, будучи великимъ художникомъ, былъ далеко не великимъ мыслителемъ. Слѣдя за проявленіемъ его религіозной мысли, выносишь то убѣжденіе, что большинство философско-богословскихъ вопросовъ, такъ глубоко волновавшихъ наше современное ему передовое общество, прошло мимо его; по крайней мѣрѣ на его теоретическомъ развитіи не видно работы серьезной философско-богословской мысли. Его религіозное міровоззрѣніе и по характеру затрогиваемыхъ вопросовъ и по приѣмамъ

рѣшенія ихъ не выходить за предѣлы элементарнаго катихизиса. Выходя изъ того положенія, что „все ничто, кромѣ Бога“ ¹⁾ и что „не нашимъ малымъ умомъ судить объ Умѣ великомъ“ ²⁾, онъ проповѣдуетъ безусловное преклоненіе предъ Промысломъ Божиимъ ³⁾, доводя свой взглядъ въ этомъ пунктѣ почти до полного подавленія въ человѣкѣ всякой активности. Почувствуетъ ли онъ упадокъ силъ и неспособность къ труду, сейчасъ же заявляетъ, что такъ хочетъ Богъ, не посылающій ему благословенія свыше ⁴⁾; пройдетъ это состояніе и онъ почувствуетъ способность къ дѣятельности, въ этомъ онъ готовъ видѣть чудесное изліяніе милости Божіей ⁵⁾; найдетъ на него религіозная апатія и неспособность молиться, онъ восклицаетъ: „какъ молиться, если Богъ не захочетъ?“ ⁶⁾ Въ обществѣ распространяются дурные про него слухи, которые огорчаютъ друзей; Гоголь успокаиваетъ ихъ увѣреніемъ, что „если Богъ ихъ допустилъ, стало быть, они нужны“ ⁷⁾. Слухи проникаютъ въ деревню и печаливаютъ мать Гоголя; въ отвѣтъ на письмо матери по этому поводу сынъ обращается къ ней съ укоризной: „если бы вы твердо пребывали въ Богѣ, васъ бы слухи не смутили“ ⁸⁾. Гоголь получаетъ извѣстіе, что переводъ Жуковскаго „Одиссея“ приближается къ концу; это даетъ ему поводъ воскликнуть: „О, это Божья благодать и Божье чудо: если среди возмущеній, объемлющихъ всѣхъ и всѣхъ волнующихъ, посылаетъ Онъ кому-нибудь изъ насъ силы исполнять на землѣ долгъ свой, то это вѣрный знакъ Его небесной милости. Лучшаго счастья нельзя имѣть на землѣ“ ⁹⁾.

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя. Изд. А. Ф. Маркса, т. II, 460.

²⁾ Ibid., III, 117.

³⁾ Ibid., 145—146.

⁴⁾ Ibid., 38, 437.

⁵⁾ Ibid., 223.

⁶⁾ Ibid., IV, 153.

⁷⁾ Ibid., II, 368.

⁸⁾ Ibid., 459.

⁹⁾ Ibid., IV, 255.

Усилившіяся въ послѣднія годы жизни физическія и нравственныя страданія даютъ Гоголю поводъ выдвинуть мысль, что страданія—это путь, которымъ Богъ ведётъ человѣка къ нравственному совершенствованію. Сообразно съ этимъ онъ утверждаетъ, что страданія ведутъ къ добру ¹⁾, что въ „минуты унынія Богъ къ намъ ближе“ ²⁾. „На счетъ недуговъ нашихъ, писалъ онъ С. Т. Аксакову, скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжело переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впередъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь (мартъ 1846 г.); никогда такъ болѣзненно не было мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ, все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: „Да будетъ и да совершится Его святая воля надъ нами“ ³⁾. Итакъ, принимайте покорно все, что ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, что намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро. Не вслѣдствіе какой либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ; и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы я, что бы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣваль умъ (какъ) помочь. Ради самаго Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ!“ ⁴⁾ Получивъ отъ Смирновой жалобу на одолѣвающую ее тоску, Гоголь пишетъ ей: „Не забывайте... благодарить Бога за тоску и грусть, которыя вамъ были даны. Вы еще не знаете имъ цѣны, но благодарите впередъ на вѣру,

¹⁾ Письма, II, 532.

²⁾ Ibid., 487.

³⁾ Ibid., III, 159.

⁴⁾ Ibid., 164.

зная только то, что все, что ни дается намъ, дается во благо. Послѣ вы узнаете смыслъ всего и подивитесь необъятной безднѣ Божіей премудрости“¹⁾. Безусловная вѣра въ премудрость и благость Божіи давала ему возможность переносить съ возможнымъ для человѣческихъ силъ благодушіемъ самыя мучительныя страданія. „Богу угодно, писалъ онъ Языкову въ февралѣ 1846 г., посылать мнѣ такіе недуги, какихъ прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда такъ приходится тяжело, что хоть, просто, повѣситься. Но вѣрю и даже слышу, что все это во благо, и благословляю Бога за все: и въ душѣ, и въ головѣ много отъ того выиграшу“²⁾. Нѣсколько позже, въ письмѣ къ Смирновой, Гоголь объясняетъ, что именно выиграетъ его голова отъ страданій. Жалуясь на плохое состояніе здоровья, онъ пишетъ: „Приходится подѣ-часъ такъ трудно, что только молишься о ниспосланіи терпѣнія, великодушія, послушанія и кротости. Вѣрю и знаю, знаю твердо, что эта болѣзнь къ добру, вижу—и оно очевидно и явно—надо мною великую милость Божію. Голова и мысль вырѣли, минуты выбираются такія, какихъ я далеко недостойнѣ, и во все время, какъ ни болѣло тѣло, ни хандра, ни глупая необъяснимая скука не смѣла ко мнѣ приблизиться. Да будетъ же благословенъ Богъ, посылающій намъ все! И душѣ, и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться. Безъ этого не будутъ „Мертвыя Души“ (второй томъ) тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно“³⁾. Вообще, встрѣчаясь съ постоянными жалобами Гоголя на испытываемыя имъ тяжелыя, мучительныя страданія, недоумѣваешь, какимъ образомъ человѣкъ въ такомъ состояніи не только не впалъ въ отчаяніе, но могъ даже сохранить значительную долю оптимизма. Но для самаго Гоголя тутъ не было ничего недоумѣннаго: „Куда, говоритъ онъ, взошелъ уже Богъ, тамъ нѣтъ мѣста отчаянію“⁴⁾. Этою близостью къ себѣ Бога, проявлявшеюся въ

¹⁾ Письма, 107.

²⁾ Ibid., 149.

³⁾ Ibid., 152.

⁴⁾ Ibid., II, 426.

постоянныхъ милостяхъ, онъ объяснялъ себѣ то, почему онъ, „среди глупѣйшихъ минутъ душевнаго состоянія“, могъ, выражаясь его языкомъ, вкушать „небесныя и сладкія минуты“¹⁾. Невозможность избавиться отъ физическихъ и нравственныхъ страданій, съ одной стороны, и покоящійся на религиозной вѣрѣ оптимизмъ, съ другой, приводятъ Гоголя къ заключенію, что страданія составляютъ законъ духовной жизни человѣка. „Много людей близкихъ душѣ моей, пишетъ онъ Н. М. Языкову, чувствуютъ въ послѣднее время особенно грустное расположеніе; я самъ не вовсе свободенъ отъ него. У всякаго есть какіе-нибудь враги, съ которыми нужно бороться: у иныхъ они въ видѣ болѣзней и недуговъ физическихъ, у другихъ въ видѣ сильныхъ душевныхъ скорбей. Здоровые, не зная, куда дѣваться отъ тоски и скуки, ждуть, какъ блага, болѣзней; болящимъ кажется, что нѣтъ выше блага, какъ физическое здоровье. Счастливѣй всѣхъ тотъ, кто постигнулъ, что это *строгий, необходимый законъ*, что если бы не было моря и волнъ, тогда бы и плыть было не возможно, и что тогда сильнѣй и упорнѣй слѣдуетъ гребти обѣими веслами, когда сильнѣй и упорнѣй противящіяся волны. Все ведетъ къ тому, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли впоперекъ скорбей“²⁾. Но хотя скорби и страданія и составляютъ необходимый законъ, тѣмъ не менѣе скорбящимъ и страдающимъ существамъ отъ этого не становится легче: горе всегда останется горемъ, подъ какое бы теоретическое основаніе мы его ни подводили, и живой душѣ совершенно естественно стремиться къ освобожденію отъ него, особенно когда оно становится невыносимымъ. Гоголь это понимаетъ и поэтому спѣшитъ рекомендовать для облегченія страданій средство, имъ самымъ открытое. „Есть, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданія душевныя, или тѣлесныя бываютъ невыносимо мучительны; его добылъ я сильными

¹⁾ Письма, III, 24.

²⁾ Ibid., II, 386—387.

душевными потрясеніями, но тебѣ его открою. Если найдеть такое состояніе, бросайся въ плачъ и слезы, молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску. Нѣтъ горя и болѣзни душевной или физической, которыхъ бы нельзя было выплакать слезами. Давидъ разливался въ сокрушеніяхъ, обливая одръ свой слезами—и получалъ тутъ же чудесное утѣшеніе. Пророки рыдали по цѣлымъ днямъ, алча услышать въ себѣ голосъ Бога; и только послѣ обильнаго источника слезъ облегчалась душа ихъ, прозрѣвали очи, и ухо слышало Божій голосъ. Не жалѣй слезъ, — пусть потрясется ими весь составъ твой: такое потрясеніе благотѣльно“ ¹⁾.

Вопросъ о страданіи, о его причинѣ и средствахъ противъ него въ свое время интересовалъ не одного только Гоголя. Подъ вліяніемъ проповѣдей извѣстнаго протестантскаго богослова Вине онъ съ жаромъ обсуждался въ обществѣ близкихъ Гоголю людей и сдѣлался даже предметомъ особой переписки ²⁾. Особенно близкій къ Гоголю человѣкъ, А. С. Хомяковъ, находилъ, что вопросъ о страданіи „входитъ въ разрядъ тѣхъ неисчисленныхъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ сопоставленія свободы человѣческой и Божьяго строительства (или необходимости) и которые надѣлали столько хлопотъ человѣческому уму, что Мильтонъ считаетъ ихъ наказаніемъ для чертей въ аду“ ³⁾. Понимая первородный грѣхъ въ смыслѣ уклоненія частной (человѣческой) воли отъ подчиненія проявившейся въ мірѣ воли Абсолютной (Божественной), Хомяковъ причину человѣческихъ страданій объяснялъ такъ: „Міръ есть твореніе, мысль Божія и, самъ по себѣ, онъ представляетъ полную и строгую гармонію красоты и блаженства. Духъ (т. е. человѣкъ), нарушающій законъ Божественной правды, становится,

¹⁾ Письма, II, 386 и 387.

²⁾ Такова переписка И. С. Аксакова съ А. С. Хомяковымъ. См. Сочин. Хомякова, изд. 1900 г., т. VIII, стр. 356—365.

³⁾ Ibid., 357.

по необходимости, въ состояніе вражды съ Божіею мыслию, съ гармоніею мірозданія, и слѣдовательно въ состояніе страданія, которое было бы невыносимо, если бы оно не умѣрялось постоянно благостью Божіею“¹⁾). Придерживаясь этой точки зрѣнія и анализируя факты дѣйствительной жизни, Хомяковъ доказывалъ, что есть такія страданія, на которыя нельзя смотрѣть ни какъ на наказаніе за личные грѣхи человѣка, ни какъ на нравственно воспитательное средство. Таковы, напримѣръ, страданія тѣхъ дѣтей, которыя и рождаются и умираютъ въ мученіяхъ. Тутъ причины страданія нельзя искать въ преступности воли страдающаго; равно нельзя смотрѣть на нихъ какъ на нравственно-воспитательное средство, ибо здѣсь страдальцы умираютъ нерѣдко нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія, слѣдовательно воспользоваться своими страданіями они бываютъ не въ состояніи. Причину такихъ страданій Хомяковъ видѣлъ въ общей грѣховности человѣчества, объясняемой наслѣдственностью первороднаго грѣха. Каждый человѣкъ страдаетъ не за свои только грѣхи, но и какъ участникъ, какъ дольникъ общей грѣховности. Праведная воля Божія, проявившись во вѣ какъ міровой законъ, казнить всякаго, въ комъ замѣчается отступленіе отъ нормы этого закона, хотя бы это отступленіе не было личною виною отступающаго, и страданія частной личности могли бы быть гораздо ужаснѣе, если бы дѣйствіе закона правды Божіей не умѣрялись проявленіемъ милости Божіей. И нужно замѣтить, что эта точка зрѣнія есть единственная, выходя изъ которой дѣйствительный фактъ часто безпричинныхъ, повидимому, страданій можетъ быть примиренъ съ христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, какъ источникѣ любви и милосердія.—Въ кружкѣ Московскихъ друзей Гоголя Хомяковъ занималъ центральное мѣсто, и мы видимъ, что члены этого кружка постоянно обращаются къ нему за разрѣшеніемъ именно богословскихъ вопросовъ. Гоголь, несмотря на свои интимныя отношенія

¹⁾ Соч. Хомякова, VIII, 358.

къ семьѣ Хомякова, съ которою онъ даже духовно породнился и въ которой онъ нѣкоторое время былъ постояннымъ гостемъ, несмотря на то, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ лицъ, которымъ Хомяковъ еще въ рукописи читалъ свой извѣстный катехизическій трактатъ, несмотря, говоримъ, на все это, Гоголь остался чуждъ указанному міровоззрѣнію Хомякова ¹⁾. Гоголь рѣшительно отказывается отъ всѣхъ этихъ тонкостей христіанской метафизики. Онъ принимаетъ фактъ непосредственно, рѣшительно отказываясь отъ всякихъ высшихъ соображеній относительно причины его происхожденія. Все отъ Бога, значитъ и страданіе отъ Бога; а зачѣмъ Богъ посылаетъ намъ страданіе—это Его тайна. Мы же, не мудрствуя лукаво, должны безропотно подчиняться Его волѣ, извлекая пользу для души изъ всего, что Онъ намъ посылаетъ. „Много есть на всякомъ шагу тайнъ, которыхъ мы и не стараемся даже вопрошать“, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ поэту Языкову. „Спрашиваетъ ли кто-нибудь изъ насъ: что значать намъ случающіяся препятствія и несчастья? для чего они случаются? Терпѣливѣйшіе говорятъ обыкновенно: „Такъ Богу угодно“. А для чего такъ Богу угодно? Чего хочетъ отъ насъ Богъ симъ несчастіемъ? Этихъ вопросовъ никто не задаетъ себѣ. Часто мы должны бы просить не объ отвращеніи отъ насъ несчастій, но о прозрѣніи, о проразумѣніи тайнаго ихъ смысла и о просвѣтлѣніи очей нашихъ. Почему знать? можетъ быть, эти горя и страданія, которыя ниспосылаются тебѣ, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести въ тебѣ тотъ душевный вопль, который никакъ не исторгнулся бы безъ этихъ страданій“. Приспособляясь къ положенію Языкова, какъ лирическаго поэта, и доказывая, что лиризмъ въ поэзіи — это „глубокая истина

¹⁾ При общей характеристикѣ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя въ послѣдніе годы его жизни точныя хронологическія даты серьезнаго значенія не имѣютъ, потому что направленію, которое съ особою силою стало проявляться въ началѣ 40-хъ годовъ, онъ остался вѣренъ до конца жизни.

души“, „чистая молитва души“, Гоголь продолжает: „Голосъ изъ глубины страждующей души есть уже помощь великая другому страждущему. Нѣтъ, не мѣдной копейкой мы должны подавать милостыню; мѣдная копейка примется отъ того, кто на выработкуъ ея употребилъ всѣ данныя ему отъ Бога способности; а мы развѣ употребили наши способности? Гдѣ наши дѣла? Не часто ли въ минуты бѣдствій произносить человѣкъ: „Господи! за что это приходится мнѣ терпѣть столько? Кажется, я никому не сдѣлалъ зла на своемъ вѣку, никого не обидѣлъ“. Но что скажетъ онъ, если въ душѣ раздадутся, въ отвѣтъ на это, такія слова: „А что сдѣлалъ ты добра? Или ты призванъ затѣмъ, чтобы не дѣлать только зла? Гдѣ твои прямо Христіанскія дѣла? Гдѣ свидѣтельства сильной любви твоей къ ближнему, перваго условія Христіанина? Гдѣ они?“ Увы! можетъ быть, даже и тотъ, который находится при смерти, и тотъ не избавленъ отъ обязанностей Христіанскихъ; можетъ быть, и тогда не имѣетъ онъ права быть эгоистомъ и думать о себѣ, а долженъ помышлять о томъ, какъ и самыми страданіями своими быть полезенъ брату. Можетъ быть, оттого такъ и невыносимы его страданія, что онъ позабылъ о своемъ братѣ. Много еще тайнъ для насъ, и глубокаго смысла несчастій! Можетъ быть, эти трудныя минуты и томленія ниспосылаются тебѣ для того, чтобы довести тебя именно до того, о чемъ ты просишь въ молитвахъ; можетъ быть нѣтъ къ тому иной дороги, нѣтъ другого законнѣйшаго и мудрѣйшаго пути, какъ этотъ путь. Нѣтъ, не будемъ пропускать даромъ ничего, чтобы ни случилось съ нами, и будемъ ежеминутно молиться объ уясненіи очей нашихъ. Будемъ добиваться отвѣта изъ глубины душъ нашихъ и, что найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, да подѣлимся братски“. Желая иллюстрировать эту свою мысль фактомъ, Гоголь ссылается на поэтическое творчество пророка Давида, какъ оно проявилось въ процессѣ написанія псалмовъ. „Состояніе души страждущей, пишетъ онъ, есть уже святыня, и все, что исходитъ оттуда, драгоцѣнно; и поэзія, возникшая изъ такого лона, выше

всѣхъ поэзій. Прежде, когда не испыталъ я глубокихъ потрясеній душевныхъ и когда силы души моей еще мало были разбужены, видѣлъ я въ Давидовыхъ псалмахъ одно восторженное состояніе духа въ минуту лирическаго настроенія, свободного отъ заботъ и безпокойствъ жизни; но теперь, когда больше прояснились глаза мои, слышу я въ каждомъ словѣ происхожденіе ихъ и вижу, что все это есть не что иное, какъ изліянья нѣжной, глубоко страдавшей души, потрясаемой и тревожимой ежеминутно и не находившей нигдѣ себѣ успокоенія и прибѣжища, ни въ комъ изъ людей. Все тутъ сердечный вопль и непритворное восторженіе къ Богу. Вотъ почему остались они, какъ лучшія молитвы, и до сихъ поръ, въ теченіе тысячелѣтій низводятъ утѣшеніе въ души“ ¹⁾.

Послѣднія строки не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что теоретическая сторона религіозности Гоголя въ послѣдніе годы его жизни, какъ по характеру затрогиваемыхъ имъ темъ, такъ и по направленію въ ихъ рѣшеніи, всецѣло зависѣла отъ его тогдашняго душевнаго настроенія, по пословицѣ: „Что кому болить, тотъ о томъ кричить“. Гоголь такъ много говорилъ о страданіяхъ потому, что самъ много страдалъ и физически и нравственно. Не находя нигдѣ средствъ отъ этихъ страданій, онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на Промыслъ Божій, рассуждая такъ: все въ мірѣ дѣлается по волѣ Божіей; даже одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣческой безъ воли Отца Небеснаго; а Отецъ Небесный не только всемогущъ, но и всеблагъ; значить все, что ни дѣлается Имъ, дѣлается къ добру. Выходя изъ этой точки зрѣнія, онъ въ самыхъ жестокихъ и въ нравственномъ смыслѣ въ совершенно безпричинныхъ, казалось бы, страданіяхъ видитъ лишь одно проявленіе милости Божіей, направленное непремѣнно къ добру. Сообразно съ этимъ, онъ даже не смѣетъ думать объ ихъ устраненіи, предоставляя лишь себѣ право молиться объ ихъ смягченіи и о просвѣтлѣніи ума для уразумѣнія ихъ высшаго смысла.

¹⁾ Письма, II, 387—390.

Вотъ почему молитва, сопровождаемая вѣрой въ Промыслъ Божій и въ благодѣтельное дѣйствіе на душу страданій, была однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ, приковывавшихъ къ себѣ религиозное сознаніе Гоголя въ послѣдніе годы жизни. Предметъ его молитвы почти не выходитъ за предѣлы тѣхъ интересовъ, которые въ это время приковывали къ себѣ его вниманіе. Онъ самъ молится и другихъ проситъ молиться о физическомъ здоровьи, объ избавленіи отъ душевныхъ скорбей, объ очищеніи сердца отъ „мерзостей“ душевныхъ, о ниспосланіи вдохновенія и объ усиленіи способности къ полезному труду и въ частности—къ литературному творчеству, объ успѣшной поѣздкѣ на Востокъ и проч. ¹⁾ Гоголь, выражаясь его словами, твердо вѣрилъ, „что Богъ не оставитъ того, кто молится, какъ бы ни слабы и ни ничтожны были его молитвы“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе онъ отличалъ молитвы болѣе сильныя, которыя возносятся *лучшими людьми, умѣющими лучше молиться*, отъ молитвъ болѣе слабыхъ. Чувствуя потребность въ укрѣпленіи и обновленіи силъ для созданія второго тома „Мертвыхъ Душъ“, онъ писалъ Смирновой: „Итакъ, молитесь обо мнѣ, другъ, молитесь *крѣпко*, просите молиться и всѣхъ тѣхъ, которые *лучше насъ и умѣютъ лучше молиться*, чтобы молились о томъ, дабы вся душа моя обратилась въ однѣ согласно настроенныя струны и бряцаль бы въ нихъ самъ духъ Божій“ ³⁾. Матери онъ писалъ изъ Іерусалима: „Молился кое-какъ о себѣ; о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ *получше моего молиться*“. Кромѣ качественной стороны, обусловливаемой достоинствомъ молящагося лица, онъ отличаетъ въ молитвѣ еще чисто количественную сторону, обусловливаемую напряженіемъ силы молящагося и частымъ повтореніемъ молитвы. Въ другомъ письмѣ къ той-же Смирновой онъ пишетъ: „Молитесь же, другъ мой, крѣпко и крѣпко; какъ

¹⁾ Письма, 369, 387, 500; III, 28, 38, 78, 153, 255; IV, 89.

²⁾ Ibid., IV, 25.

³⁾ Ibid., III, 153.

только можете молиться, такъ молитесь о мнѣ“¹⁾. Самъ онъ, когда находилъ нужнымъ, *удвоявалъ* свои ежедневныя молитвы²⁾. Онъ даже придумалъ особое средство возбуждать молитвенное настроеніе, если оно само не приходило. „Если жъ вамъ не молится, даетъ онъ совѣтъ Смирновой, учите буквально наизусть, какъ школьный ученикъ, тѣ псалмы, которые я вамъ оставилъ, и учите произносить ихъ съ силою, значеніемъ и выраженіемъ голоса, приличнымъ всякому слову“³⁾. Не послѣднее мѣсто въ представленіи Гоголя имѣло и то самое мѣсто, на которомъ совершалась молитва. Особое значеніе въ этомъ отношеніи онъ придавалъ своей родной Васильевкѣ. Прося предъ поѣздкой на Востокъ мать молиться о счастливомъ исходѣ этого путешествія, онъ пишетъ: „Во все время, когда я буду въ дорогѣ, вы не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ. Мнѣ нужно именно, чтобы вы молились обо мнѣ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ“⁴⁾. Само собою разумѣется, что еще выше Васильевки въ этомъ отношеніи былъ въ глазахъ Гоголя Христіанскій Востокъ. Іерусалимъ, напримѣръ, казался ему мѣстомъ, гдѣ онъ чуть-ли не прямо, непосредственно можетъ вступить въ бесѣду съ самимъ Богомъ для разъясненія волновавшихъ его тогда вопросовъ. „Путешествіе мое, сознавался онъ Н. Н. Шереметевой, не есть простое поклоненіе: много, много мнѣ нужно будетъ тамъ обдумать у Гроба самого Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы“⁵⁾. Понятно поэтому, почему онъ такъ усердно просить всѣхъ молиться о достойномъ приготовленіи къ этому путешествію и о счастливомъ исходѣ его, и почему онъ находилъ просто „неприличнымъ“ для матери „разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-нибудь развлеченіямъ“ въ то время, когда

¹⁾ Письма, III, 38.

²⁾ Ibid., IV, 90.

³⁾ Ibid., III, 107.

⁴⁾ Ibid., 255.

⁵⁾ Ibid., 244.

сынъ ея „отправился на такое святое путешествіе“. Онъ не прочь былъ бы даже сестеръ своихъ засадить на эту выѣдку, но не вѣрить, чтобы у нихъ хватило на это терпѣнія, а поэтому, какъ бы махнувъ на нихъ рукою, добавляетъ: „если имъ не посидится, могутъ однѣ ѣхать въ Полтаву“ ¹⁾.

Вообще, ни о чемъ такъ горячо, такъ искренно не просить Гоголь своихъ друзей и знакомыхъ, какъ о молитвѣ. Особенно это слѣдуетъ сказать о письмахъ къ лицамъ женскаго пола, отъ которыхъ онъ, очевидно, скорѣе всего ждалъ отклика на свои душевные запросы. У него есть письма, писанныя съ спеціальною цѣлью упросить молиться за него. Это своего рода лирическія изліянія, нѣчто въ родѣ псалмовъ, текстъ которыхъ отъ времени до времени прерывается припѣвомъ: „молитесь, другъ мой, обо мнѣ“ ²⁾. Мало того. Предъ поѣздкой на Востокъ онъ даже сочинилъ и разослалъ друзьямъ молитву о себѣ, которую, подобно молитвѣ Господней, раздѣлилъ на семь прошеній ³⁾. За то какъ онъ сердечно радовался и какъ былъ горячо благодаренъ, когда узнавалъ, что его просьбы о молитвѣ исполняются. Такъ, получивъ подобное извѣстіе о молитвахъ матери, онъ писалъ ей: „О, спаси васъ Богъ, за ваши безпрестанныя молитвы о насъ недостойныхъ! Спаси васъ Богъ отъ всякихъ смущеній! И да будутъ всѣ ваши годы, до поздней старости, исполнены однимъ только выраженіемъ признательности къ вамъ дѣтей вашихъ!“ ⁴⁾.

Разсылая всѣмъ просьбу о молитвѣ, Гоголь, повидимому, придавалъ особенно большое значеніе именно тому, что много людей молятся за него и на этомъ основывалъ надежду на то, что Богъ не оставитъ его своими милостями. „Ему ли оставить меня, восклицаетъ онъ, если я искренно молюсь Ему, молясь о томъ, чтобы умѣть Ему вѣчно молиться, и если много людей Ему

¹⁾ Письма, 255.

²⁾ Ibid., 78. Письмо Шереметевой.

³⁾ IV, 161—162.

⁴⁾ Ibid., 384.

угодныхъ и лучшихъ возносить за меня грѣшнаго жаркія молитвы?“¹⁾

Высокое значеніе молитвеннаго общенія людей есть одинъ изъ основныхъ пунктовъ христіанскаго катихизиса. Но вопросъ о томъ, какимъ образомъ молитва одного человѣка можетъ быть полезна другому, и даже болѣе общій вопросъ—какимъ образомъ молитва можетъ быть полезна для самого молящагося—въ исторіи христіанскихъ ученій не всегда и не вездѣ рѣшался одинаково. Односторонне-утилитарный взглядъ на этотъ вопросъ Римской Церкви вызвалъ, какъ извѣстно, крайности возрѣній протестантскаго раціонализма. Разъясняя недоумѣнія по этому вопросу своихъ современниковъ, Хомяковъ доказывалъ, что молитва христіанская есть не что иное, какъ проявленіе христіанской любви: обращенная къ Богу молитва одного человѣка за другого—это есть проявленіе любви человѣка къ человѣку въ Богѣ. Въ томъ же катехизическомъ трактатѣ, которымъ такъ восхищался Гоголь, Хомяковъ говорить: мы „молимся въ духѣ любви, а не пользы, въ духѣ сыновней свободы, а не закона наемническаго, просящаго платы. Всякій спрашивающій: „какая польза въ молитвѣ?“ признаетъ себя рабомъ. Молитва истинная есть истинная любовь“. Поэтому „не говори: „къ чему моя молитва другому, когда онъ самъ молится, и за него ходатайствуетъ самъ Христосъ?“ Когда ты молишься, въ тебѣ молится духъ любви. Не говори: „суда Божьяго уже измѣнить нельзя“; ибо твоя молитва сама въ путяхъ Божіихъ, и Богъ ее предвидѣлъ. Если ты членъ Церкви, то молитва твоя необходима для всѣхъ ея членовъ“. Разъясняя эту свою мысль во второй брошюрѣ о западныхъ исповѣданіяхъ, Хомяковъ говорить: „Мы молимся не въ духѣ страха, подобно рабамъ, не въ духѣ корысти, подобно наемникамъ, но молимся въ духѣ сыновней любви... Мы молимся потому, что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждого

¹⁾ Письма, 436.

о всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ то же время, всегда во имя Христа, нашего Спасителя, обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выражение ея жизни, она глаголь ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія“¹⁾.

Легко замѣтить, что въ вопросѣ о молитвѣ, какъ и въ вопросѣ о страданіяхъ, Гоголь стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Хомяковъ. Точку зрѣнія Гоголя коротко можно выразить такъ. На небѣ есть всесильный Богъ, на землѣ безсильный человѣкъ; человѣкъ нуждается въ помощи Божіей и молится о ней самъ и проситъ молиться о ней другихъ людей, болѣе сильныхъ, болѣе влиятельныхъ; и чѣмъ молящихся будетъ больше, чѣмъ молитва ихъ будетъ напряженнѣе, сильнѣе, интенсивнѣе, тѣмъ больше она будетъ достигать своей цѣли.—Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія противна была духу христіанскаго ученія; самое приуроченіе молитвы къ опредѣленному мѣсту, напримѣръ, къ Васильевкѣ, не содержитъ въ себѣ ничего анти-христіанскаго, хотя и можно заподозрить присутствіе здѣсь нѣкоторой доли фетишизма. Но если сравнить эту точку зрѣнія съ вышеуказанной точкой зрѣнія Хомякова, который въ молитвѣ видѣлъ прежде всего проявленіе голоса любви человѣка къ Богу и ближнему, то во взглядѣ Гоголя нельзя будетъ не замѣтить присутствія значительной доли не только утилитаризма, но даже и эгоизма. Во всѣхъ его рѣчахъ о молитвѣ почти всегда на первомъ планѣ выступаетъ его личное „я“ съ его интересами. Но, отмѣтивъ этотъ фактъ, спѣшимъ замѣтить, что положеніе Гоголя въ данное время было слишкомъ исключительное, и эта исключительность почти съ принудительною необходимостью заставляла его больше думать о себѣ, чѣмъ о другихъ. Нужно къ тому же помнить, что съ самаго начала 40-хъ годовъ, какъ увидимъ ниже, онъ усвоилъ своеобразную

¹⁾ Сочин., изд. 1886 г., т. II, стр. 23 и 123—124.

точку зрѣнія, которая позволяла ему, не впадая въ грубый эгоизмъ, смотрѣть на себя, какъ на богатое достояніе не только Русской земли, но и всего человѣчества: съ этой точки зрѣнія, всякъ, молившійся за Гоголя, въ сущности молился за сбереженіе и проявленіе во вѣтъ того благодатнаго сокровища, хранителемъ котораго избралъ его Богъ. Нужно, наконецъ, помнить, что въ своихъ просьбахъ о молитвѣ онъ иногда совершенно отрѣшается отъ своихъ личныхъ интересовъ и становится на высоко-альтруистическую точку зрѣнія. Такимъ высокимъ альтруизмомъ, напри- мѣръ, отличается *пятое* прошеніе составленной имъ молитвы. Здѣсь читаемъ: „Исправи его (Гоголя) молитву и дай ему помолиться у Святаго Гроба о собратяхъ и кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей и о всей отчизнѣ нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи въ ней всего враждующаго и него- дующаго, о водвореніи въ ней любви и о воцареніи Твоего цар- ства, Боже“ ¹⁾.

Вообще, нельзя упрекнуть Гоголя въ непониманіи того, ка- кое мѣсто въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія занимаетъ за- повѣдь о любви. Любовь къ ближнему онъ прямо называетъ „первымъ условіемъ“ христіанской жизни ²⁾. Утверждая, что *любовь во Христѣ вѣчна* ³⁾, онъ требовалъ, чтобы она не- премѣнно была активна ⁴⁾, и видѣлъ въ ней единственный путь проникновенія въ душу человѣка для оказанія ему помощи. Требуя чуткаго и снисходительнаго отношенія къ природѣ другого чело- вѣка, онъ въ одномъ письмѣ восклицаетъ: „Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однимъ путемъ Божественной любви, а не чѣмъ-либо дру- гимъ, не взойдешь, какъ нѣжнѣйшій братъ, въ душу своего брата, пока не узнаешь ее, какъ свою собственную, пока не почувствуешь, что находишься самъ въ этой душѣ, какъ бы въ родномъ и

¹⁾ Письма, IV, 162.

²⁾ Ibid., II, 389.

³⁾ Ibid., III, 370.

⁴⁾ Ibid., II, 389, 416.

собственномъ своемъ тѣлѣ, до тѣхъ поръ будетъ безсильна наша душевная помощь...“¹⁾ Въ письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, указавъ на то, какъ подъ воздѣйствіемъ апостольской проповѣди „все люди стали одна семья и загорѣлась небесная любовь на землѣ“, Гоголь продолжаетъ: „Такъ должны и мы поступать, какъ поступали они. Полюбя людей *любовью во Христа* (курсивъ подлинника), помогать имъ повсюду. Истинно христіанская помощь не въ одномъ денежномъ подаванні; это еще небольшая помощь. Избавить отъ нужды, холода, болѣзни и смерти чело-вѣка, конечно, есть доброе дѣло; но избавить отъ болѣзни и смерти его душу, есть въ нѣсколько разъ больше. Обратитъ преступника и грѣшника къ Господу—вотъ настоящая милостыня, за которую несомнѣнно можно надѣяться полученія небеснаго блаженства...“²⁾ Признавая въ заповѣди о любви сущность христіанства, видя въ исполненіи ея средство къ достиженію „небеснаго блаженства“, Гоголь въ то же время смотрѣлъ на нее какъ на единственно вѣрный источникъ земного счастья. „Все наслажденія наши, говоритъ онъ, заключены въ пожертвованіяхъ. Счастье на землѣ начинается только тогда для чело-вѣка, когда онъ, позабывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ, хотя мы въ началѣ думаемъ совершенно тому противоположно, вслѣдствіе какого-то оптического обмана, который опрокидываетъ предъ нами вверхъ ногами настоящій смыслъ...“³⁾

Въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія любовь къ ближнему ставится въ причинную связь съ любовью къ Богу. Истинно христіанская любовь есть *любовь во Христа*, ибо Самъ Христосъ есть величайшее проявленіе любви Божіей къ чело-вѣку. „Любовь Божія, говоритъ Гоголь, такъ безгранично-безмѣрна къ людямъ, что если бы мы прозрѣвали поглубже въ смыслъ всѣхъ совершающихся съ нами событій, то, вѣроятно, вся жизнь наша обра-

¹⁾ Письма, 424.

²⁾ Ibid., III, 324.

³⁾ Ibid., II, 418.

тилась бы въ однѣ слезы благодарности“¹⁾. За такую безгранично-бездѣльную любовь Божію человѣкъ естественно долженъ платить взаимною любовью, которая должна доходить до забвенія всѣхъ земныхъ привязанностей²⁾. Въ томъ же письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ онъ пишетъ: „Какъ мнѣ пріятно писать къ тебѣ, добрая сестра моя Ольга! Пріятно потому, что ты уже возлюбила Бога больше всего на свѣтѣ... Отъ того и любовь къ тебѣ у меня поселилась теперь родственная и мнѣ кажется, какъ будто ты точно моя родная сестра. Прочитавши письмо мое, такъ смутившее прочихъ, ты только крѣпче и лучше помолилась обо мнѣ Богу и возвеселилась духомъ въ твердой надеждѣ, что Богъ спасетъ меня и проведетъ повсюду невредимо; и вѣрно твоя молитва достигнула Бога, и все будетъ по ней исполнено, потому что Богъ исполняетъ молитвы тѣхъ, которые умѣютъ любить Его лучше всего на свѣтѣ и земныя привязанности считаютъ мечтой предъ привязанностью небесной. Люби же такъ и впередъ Его, или что еще справедливѣй, люби Его съ каждымъ днемъ больше, и чтобы образъ Его стоялъ въ мысляхъ твоихъ неотлучно впереди всѣхъ, впереди матери, впереди брата, впереди сестеръ, впереди всего на свѣтѣ...“

Любовь есть начало христіанской нравственности и въ то же время она есть критерій для оцѣнки нравственной дѣятельности христіанина. Оцѣниваемая исключительно по качеству внутреннихъ мотивовъ, нравственная дѣятельность христіанина естественно сопровождается внутреннимъ самоанализомъ, этой своего рода анатоміей души человѣка. Внутренній самоанализъ, начинаясь съ первымъ пробужденіемъ самосознанія, въ той или другой степени присущъ всѣмъ людямъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія; но сила его проявленія и степень его развитія не у всѣхъ людей бываютъ одинаковы. Есть люди, которыхъ мало интересуешь внутренний міръ ихъ души; ихъ умственный взоръ съ гораздо боль-

¹⁾ Письма, 415.

²⁾ Ibid, 313.

шимъ интересомъ останавливается на объективномъ мірѣ явленій, изъ взаимодействія съ которымъ ихъ личнаго „я“ обыкновенно слагается вся ихъ жизнь. Напротивъ, есть люди, которые съ самаго ранняго дѣтства, даже съ перваго момента зарожденія самосознанія, съ особымъ интересомъ останавливаютъ вниманіе именно на внутреннемъ мірѣ своей души, съ особымъ наслажденіемъ копошатся въ содержаніи своего личнаго „я“, ставя его объектомъ своего изслѣдованія и доводя послѣднее нерѣдко до болѣзненной односторонности. Само собою разумѣется, что нормальная личность, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, слагается изъ гармоническаго соединенія особенностей этихъ двухъ типовъ, что чаще всего встрѣчается у натуръ художественныхъ. Художественность человѣческой натуры предполагаетъ одинаковую чуткость какъ къ субъективному, такъ и къ объективному міру явленій, ибо изъ перваго изъ нихъ художникъ заимствуетъ идею, изъ втораго беретъ форму для ея воплощенія. Блестящій примѣръ такой обоюдной чуткости представляютъ художественныя произведенія Гоголя. Читая, напримѣръ, его „Мертвыя Души“, не знаешь, чѣмъ больше любоваться: умѣнемъ-ли проникать въ человѣческую душу и подмѣчать всѣ ея тончайшія изгибы, — умѣнемъ, обличающимъ въ художникѣ работу надъ изученіемъ своей собственной души, или способностью легко находить внѣшнюю форму для воплощенія во внѣ своихъ внутреннихъ движеній и наблюденій надъ движеніями чужой души. Гармоническое соединеніе этихъ двухъ сторонъ художественнаго творчества несомнѣнно обличаютъ въ художникѣ высокую гармоничность его натуры, предполагающую полное равновѣсіе душевныхъ силъ. Такое именно впечатлѣніе и выносится изъ прочтенія сочиненій Гоголя.

Представимъ теперь человѣка, который, составивъ себѣ такое понятіе о Гоголѣ на основаніи его художественныхъ произведеній, переходитъ къ чтенію его писемъ. Здѣсь картина сразу и притомъ рѣзко измѣняется: веселый юморъ, заставляющій предполагать въ авторѣ жизнерадостность и благодушіе, въ письмахъ

переходить въ какое-то жалкое нытье, сопровождаемое обыкновенно нравственнымъ самобичеваніемъ; художественные образы живой дѣйствительности, такъ пріятно ласкающіе эстетическое чувство читателя, здѣсь смѣняются сухими логическими схемами, пытающимися все догматизировать и морализировать; на смѣну покойнаго изображенія объективнаго міра явленій выступаетъ возня съ своимъ личнымъ „я“, которое то превозносится до небесъ въ надменной гордости, то, повергаясь во прахъ, смиренно пресмыкается на землѣ, обливаясь искренними, повидимому, слезами. — Такъ гдѣ же истинный Гоголь? невольно спрашиваетъ себя читатель. Этотъ вопросъ естественно долженъ былъ вырваться изъ устъ современниковъ съ появленіемъ въ свѣтъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Отвѣтили они на него, какъ извѣстно, гипотезой о внутреннемъ переломѣ, своего рода „преображеніи“ Гоголя. Но уже самъ Гоголь, когда друзья, заподозривъ въ немъ „новое направленіе“, стали толковать о его *мистицизмѣ*, еще почти за годъ до выхода въ свѣтъ *переписки*, выступилъ съ протестомъ противъ этого подозрѣнія, назвалъ его „заблужденіемъ“ и категорически заявилъ: „Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду“; а что касается замѣченной въ немъ перемѣны, то онъ объяснялъ ее прежнею своею *скрытностью*, въ которой теперь не находилъ необходимости ¹⁾. Современный изслѣдователь, имѣющій возможность безпристрастно, однимъ взоромъ окинуть всю жизнь и дѣятельность Гоголя, не можетъ не признать, что знаменитый писатель лучше понималъ процессъ своего внутренняго развитія, чѣмъ его ближайшіе современники; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ сами потомъ раскисались въ первоначальномъ опрометчивомъ сужденіи о немъ. И въ самомъ дѣлѣ, обнажите разоблачаемая Гоголемъ отрицательныя стороны жизни нашего общества отъ художественныхъ образовъ и назовите ихъ настоящимъ именемъ, и вы получите тѣ

¹⁾ III, *ibid.*, 320.

„гадости“ и „мерзости душевныя“¹⁾, на которыя нападаетъ Гоголь въ своихъ письмахъ; дайте человѣку возможность глубже почувствовать всѣ эти „гадости“ и „мерзости“ въ себѣ и другихъ, и вы увидите, какъ онъ, при независимомъ отъ его доброй воли упадкѣ творческихъ силъ, изъ художественнаго писателя превратится въ проповѣдника-моралиста, увидитъ свое призваніе въ томъ, чтобы „упрекнуть или ободрить“²⁾ другихъ и въ тоже время почувствуетъ потребность въ самообличеніи: сгустите, далѣе, слезы его юмора до того, чтобы сквозь ихъ густую струю пересталъ пробиваться лучъ смѣха, и вы поймете, какъ этотъ веселый юмористъ, вмѣсто того, чтобы забавлять общество веселыми рассказами (какъ многіе понимали смыслъ его художественнаго творчества), сталъ читать ему скучныя сентенціи. Словомъ, при нѣкоторой наблюдательности легко замѣтить, какъ изъ прежняго Гоголя вырастаетъ новый Гоголь, какъ однѣ черты его характера слабѣютъ и ступшеваются и какъ, напротивъ, другія растутъ и крѣпнютъ. Но гдѣ есть ростъ, тамъ есть и измѣненія, а поэтому нельзя не признать глубоко вѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе П. В. Анненкова: „Великую ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто смѣшаетъ Гоголя послѣдняго періода съ тѣмъ, который начиналъ тогда (тридцатые годы) жизнь въ Петербургѣ, и вздумаетъ прилагать къ молодому Гоголю нравственныя черты, выработанныя гораздо позднѣе, уже тогда, какъ совершился важный переворотъ въ его существованіи“³⁾. Сообразно съ нашею задачею, мы уже очертили кругъ религіозныхъ представленій Гоголя, какъ они сложились въ познѣйшіе годы его жизни. Теперь постараемся прослѣдить, какъ выработались у него эти представленія и какъ отразились они на его религіозно-нравственной жизни.

Извѣстно, что на многихъ изъ своихъ современниковъ Гоголь, какъ нравственная личность, производилъ непріятное впе-

¹⁾ Ibid., 151; II, 434.

²⁾ Ibid., II, 470.

³⁾ Воспоминанія и критическіе очерки. Отд. 1, стр. 191.

чатлѣніе. Даже люди, которые, благоговѣя предъ нимъ, какъ геніальнымъ писателемъ, хотѣли искренно, всею душою, привязаться къ нему, пораженные нѣкоторыми поступками, отходили отъ него, какъ говорится, разведя руками, не зная какъ понимать его и его образъ дѣйствій. Пытаясь объяснить нѣкоторыя черты его характера особенностями типа малорусской народности, одни видѣли въ его дѣйствіяхъ проявленіе „врожденной скрытности, ловко рассчитанной хитрости“ „лукаваго малоросса“¹⁾. Другіе, не заходя такъ далеко, объясняли несимпатичныя стороны его характера исключительными особенностями его геніальной натуры, отличной отъ природы людей обыкновенныхъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ взглядъ на Гоголя С. Т. Аксакова. Этотъ высоко-благородный человѣкъ, въ семьѣ котораго такъ высоко цѣнили произведенія Гоголя, несмотря на всю свою привязанность и доброжелательность къ нему, не разъ доказанныя на дѣлѣ, въ виду нѣкоторыхъ поступковъ Гоголя, иной разъ приходилъ въ крайнее смущеніе. Защищая его отъ нападокъ Погодина, обвинявшаго Гоголя въ „капризности, скрытности, неискренности, даже лжи“, Аксаковъ пишетъ: „Я долженъ признаться, къ сожалѣнію, что жалобы и обвиненія Погодина казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева. Я однако, объясняя себѣ поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми съиздѣтства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людямъ, но и выдумывать всякій вздоръ для скрытія истины, я старался успокоить другихъ моими объясненіями. Я приписывалъ скрытность и даже какую-нибудь пустую ложь, которую употреблялъ иногда Гоголь, когда его уличали въ неискренности, единственно странности его характера и его разсѣянности. Будучи погруженъ въ совсѣмъ другія мысли, разбуженный какъ будто отъ сна, онъ иногда самъ не зналъ, что

¹⁾ Анненковъ, *ibid.*, 179. „Анненковъ и его друзья“, I, 516.

отвѣчать и что говорить, лишь бы только отдѣлаться отъ докучливаго вопроса; данный такимъ образомъ отвѣтъ не впадѣ надобно было впослѣдствіи поддержать или оправдать, изъ чего иногда выходило цѣлое сплетеніе разныхъ мелкихъ неправдъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками. Мнѣ нерѣдко приходилось объяснять самому себѣ поступки Гоголя точно такъ, какъ я объяснялъ ихъ другимъ, т. е. что мы не можемъ судить Гоголя по себѣ, даже не можемъ понимать его впечатлѣній, потому что, вѣроятно, весь организмъ его устроенъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ; что нервы его, можетъ быть, во сто разъ тоньше нашихъ; слышать то, чего мы не слышимъ, и содрагаются отъ причинъ, для насъ неизвѣстныхъ. На такое объясненіе Погодинъ съ злобнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: „развѣ что такъ“¹⁾.

Въ этой характеристикѣ, сдѣланной лицомъ, расположеннымъ скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію, прежде всего бросается въ глаза смущеніе предъ невозможностью совершенно обѣлить человека любимаго и высоко-цѣнимаго. Самая попытка смягчить несимпатичныя стороны нравственной личности Гоголя ссылкой на исключительность его натуры хуже можетъ показаться всякаго обвиненія, потому что она признаетъ фактъ во всей его силѣ и неприкосновенности. Весьма возможно, что рассматриваемыя черты характера Гоголя—скрытность, неискренность, переходящая въ прямую ложь,—выставлены были такъ выпукло и осуждены такъ рѣзко потому, что судьями его явились люди совершенно другого нравственнаго типа: привыкши во взаимныхъ отношеніяхъ наблюдать прямоту, искренность, откровенность: склонные скорѣе нанести оскорбленіе своею прямолинейною прямотою, чѣмъ дипломатически хитрить и лукавить, словомъ, привыкши, какъ говорится, держать душу на распашку, Московскіе друзья Гоголя никакъ не

¹⁾ „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, стр. 54

могли помириться съ образомъ мысли человѣка, который скрытность возводилъ въ добродѣтель, считая ее принадлежностью всѣхъ *неглупыхъ* людей ¹⁾. Добро было бы, если бы Гоголь свои дипломатическіе приемы облакалъ дѣйствительно въ формы хоть сколько-нибудь неглупыя; на дѣлѣ же это ему рѣдко удавалось. Въ глазахъ такихъ умныхъ и проницательныхъ людей, какъ С. Аксаковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Анненковъ и др., образъ дѣйствій Гоголя въ нѣкоторыхъ случаяхъ напоминалъ собою выходки мелкаго плута, который даже не умѣетъ скрыть свои плутни настолько, чтобы ихъ не замѣтили по крайней мѣрѣ тѣ, кто желалъ не замѣчать. Біографія Гоголя, какъ извѣстно, изобилуетъ такими мелкими плутнями, и поэтому не удивительно, что люди, составившіе представленіе о немъ на основаніи его литературно-художественныхъ произведеній, сильно озадачены были тѣмъ, какимъ образомъ высокія качества гениальнаго писателя могли уживаться съ такимъ, казалось бы, нравственнымъ ничтожествомъ. Отсюда эта гипотеза объ исключительности натуры Гоголя, которая должна была примирить то, что съ обычной точки зрѣнія казалось непримиримымъ. И въ этой гипотезѣ, какъ сейчасъ увидимъ, есть вѣрный намекъ на правильную постановку вопроса.

Едва-ли кто станетъ оспаривать ту истину, что Гоголь получилъ отъ природы организацію въ высшей степени тонкую, нѣжную, легко отвѣчающую на идущія извнѣ впечатлѣнія, но въ тоже время—слабую, хрупкую, способную легко подвергнуться ломкѣ, крушенію. Такая организація обыкновенно связана бываетъ съ художественнымъ талантомъ, т. е. съ способностью вдохновляться и всецѣло уходить въ міръ излюбленныхъ идей и образовъ. Сознавая свою физическую слабость, такіе люди вообще имѣютъ склонность избѣгать напора всякой идущей извнѣ грубой силы. Въ минуты же вдохновеннаго творчества, когда они рабо-

¹⁾ Въ письмѣ къ С. Аксакову Гоголь прямо заявляетъ, что онъ былъ „скрытенъ“ потому, что былъ „неглупъ“. Письма, III, 320.

тають, или еще готовятся къ работѣ, или даже отдыхаютъ отъ работы, они всецѣло уходятъ внутрь себя, въ созерцаніе создаемыхъ творческой фантазіей образовъ, и все то, что посягаетъ на эту ихъ внутреннюю жизнь, вызываетъ въ нихъ своего рода нравственную боль, которой они прямо инстинктивно избѣгаютъ. Лирическіе поэты, по совершенно понятной причинѣ, переживаютъ такое состояніе сравнительно быстро. Но писатели эпическіе, замышляющіе нерѣдко очень сложныя работы, для выполненія которыхъ нужны бываютъ мѣсяцы и даже годы, находятся въ другомъ положеніи. Само собою разумѣется, что не во все время подобныхъ работъ напряженіе творческой силы бываетъ одинаково: бываютъ приливы, бываютъ и отливы; за напряженіемъ силъ наступаетъ усталость, требующая отдохновенія; возможны даже уклоненія творческой дѣятельности въ сторону. Но все же, пока разъ начатая работа не доведена до конца, пока мысль, овладѣвшая душою художника, не нашла себѣ въ его воображеніи соотвѣтствующихъ образовъ для своего воплощенія, она является доминирующею въ его сознаніи, которымъ она нерѣдко овладѣваетъ цѣликомъ, ревниво оберегая его отъ наплыва всего того, что не гармонируетъ съ нею. И чѣмъ физическія силы художника слабѣе, чѣмъ онѣ медленнѣе оправляются отъ испытываемыхъ въ минуты вдохновенія потрясеній, тѣмъ является онѣ болѣе широкимъ рабомъ овладѣвшей имъ идеи, тѣмъ равнодушнѣе становится онѣ ко всему остальному міру и тѣмъ съ болѣе стараніемъ избѣгаетъ онѣ всего того, что непрошеннымъ гостемъ врывается въ его душу и нарушаетъ естественный ходъ происходящей въ ней работы. Вспомнимъ замѣчательную характеристику такого душевнаго состоянія въ стихотвореніи Пушкина „Поэтъ“:

Но лишь божественный глаголѣ

До слуха чуткаго коснется,

Душа поэта вострепечетъ,

Какъ пробудившійся орелъ.

*Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждается молвы;
 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонить гордой головы.
 Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
 И звуковъ, и смятенья полнъ,
 На берега пустынныхъ волнъ,
 Въ широкошумныя дубравы...*

Это не наборъ красивыхъ фразъ, придуманныхъ въ подтвержденіе искусственно составленной теоріи: это живые звуки, искренно вырвавшіеся изъ души поэта, который на себѣ испыталь то, о чемъ здѣсь говорить. Взгляните съ этой точки зрѣнія на Гоголя, и многое изъ того, что въ немъ кажется страннымъ, загадочнымъ и что подавало поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ о характерѣ его нравственной личности, получить совсѣмъ иной смыслъ и объясненіе. Для иллюстраціи этой мысли возьмемъ извѣстную, въ своемъ родѣ очень типичную, исторію съ Княжевичемъ. „Пріѣхалъ въ Москву, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, старый мой, еще по гимназіи, товарищъ и другъ, Дм. Макс. Княжевичъ; онъ былъ прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ: умный, образованный, живой, добрый, любящій и одаренный сильнымъ эстетическимъ чувствомъ. Кромѣ того, что онъ, по крайней мѣрѣ до изданія „Мертвыхъ Душъ“, понималъ и цѣнилъ Гоголя, онъ былъ съ нимъ очень дружески знакомъ въ Римѣ и, какъ гостепріимный Славянинъ, не одинъ разъ угощалъ у себя Гоголя. Княжевичъ очень обрадовался, узнавъ, что мы съ Гоголемъ друзья и что онъ бываетъ у насъ всякій день. Я думалъ, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? Въ первый разъ, когда Княжевичъ пріѣхалъ къ намъ при Гоголѣ и сталъ здороваться съ кѣмъ-то за дверьми маленькой гостиной, въ которой мы все сидѣли, Гоголь непримѣтно юркнулъ въ мой кабинетъ, и когда мы хватились его, то узнали, что онъ поспѣшно

убѣжалъ изъ дому. Такой поступокъ поразилъ всѣхъ насъ, особенно удивилъ Княжевича. На другой день продолжалась такая же исторія, только съ тою разницею, что Гоголь не убѣжалъ изъ дому, когда пріѣхалъ Княжевичъ, а спрятался въ дальній кабинетъ, схватилъ книгу, уѣлся въ большія кресла и притворился спящимъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи болѣе двухъ часовъ и также потихоньку уѣхалъ. На вопросы, что съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ самыми дѣтскими отговорками: въ первый пріѣздъ Княжевича онъ будто бы вспомнилъ какое-то необходимое дѣло, по которому надобно было ему сейчасъ уѣхать, а въ другой разъ— будто ему такъ захотѣлось спать, что онъ не могъ тому противиться, а проснувшись, почувствовалъ головную боль и необходимость поскорѣ освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Мы всѣ были не только поражены изумленіемъ, но даже оскорблены. Я хотѣлъ даже заставить Гоголя объясниться съ Княжевичемъ; но послѣдній упросилъ меня этого не дѣлать и даже взялъ съ меня честное слово, что я и наединѣ не стану говорить объ этомъ съ Гоголемъ. Онъ думалъ, что, вѣроятно, Гоголю что-нибудь насаказали и что онъ имѣетъ на него неудовольствіе. Княжевичъ такъ любилъ горячо и меня и Гоголя, что буквально счелъ бы за несчастье быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращеніе съ Гоголемъ измѣнилось и стало холоднѣе. Гоголь притворился, что не примѣчаетъ того. На третій день опять пріѣхалъ Княжевичъ съ дочерью, тогда какъ мы съ Гоголемъ сидѣли всѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы всѣ сейчасъ встали, пошли навстрѣчу своему гостю и, затворивъ Гоголя въ кабинетъ, расположились въ гостинной. Черезъ полчаса вдругъ двери отворились, воѣжалъ Гоголь и со словами: „Ахъ, здравствуйте, Дмитрій Максимовичъ!“... протянулъ ему обѣ руки, кажется даже обнялъ его, и началась самая дружеская бесѣда пріятелей, не издававшихся давно другъ съ другомъ... Точно онъ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ послѣ разлуки, и точно прошедшихъ двухъ дней не бывало. Покорно прошу объяснить

такую странность! Всякое объясненіе казалось мнѣ такъ невыгоднымъ для Гоголя, что я уже никогда не говорилъ съ нимъ объ этомъ, въ чемъ раскаиваюсь теперь“¹⁾).

Въ этомъ разсказѣ можно, повидимому, найти всѣ данныя для того, чтобы уличить Гоголя въ неискренности, скрытности и даже прямо во лжи. Но въ то же время чувствуется, что у вдумчиваго изслѣдователя языкъ не повернется, чтобы на основаніи одного этого факта произнести надъ великимъ писателемъ такой суровый приговоръ. Дѣло въ томъ, что всякая ложь въ истинномъ смыслѣ слова всегда содержитъ въ себѣ элементъ безнравственности, такъ какъ она въ дѣйствіяхъ человѣка непременно предполагаетъ какіе-нибудь дурные мотивы. Попробуйте же въ разсказанномъ фактѣ поведенія Гоголя отыскать такіе именно дурные мотивы: при сколько-нибудь серьезномъ анализѣ этого факта вы ихъ не найдете. И вообще, пока поведеніе Гоголя въ данномъ случаѣ будете разсматривать съ этической точки зрѣнія, вы тутъ ничего не поймете; но фактъ разъяснится, какъ только вы подойдете къ нему съ точки зрѣнія чисто психологической. Разсказанный фактъ имѣлъ мѣсто въ 1842 году, когда физическія силы Гоголя видимо стали ему измѣнять, продуктивность творческой дѣятельности стала ослабѣвать и когда литературная работа стала становиться для него мученіемъ. Измученный утреннею работою, онъ шелъ въ семью Аксаковыхъ отдыхать. Онъ зналъ, куда онъ идетъ. Душа художника въ такомъ состояніи нуждается въ своего рода уходѣ по законамъ своей особой гигиены. И этотъ уходъ онъ здѣсь находилъ: здѣсь его любили, цѣнили, а главное—здѣсь его понимали и потому берегли. Чувствуя себя свободно, естественно, въ домѣ Аксаковыхъ онъ получалъ столько впечатлѣній, сколько это необходимо было для того, чтобы отгонять на время преслѣдовавшіе его образы, которые, при утомленіи творческихъ силъ, только мучатъ художника, не

¹⁾ Исторія знак., стр. 55—56.

двигая впередъ его созидающей дѣятельности. И вдругъ этотъ непрощенный Княжевичъ? Если бы это былъ человѣкъ безразличный, Гоголь преспокойно вошелъ бы въ гостинную, равнодушно посидѣлъ бы, позѣвалъ бы, какъ это иногда съ нимъ случалось, и дѣло этимъ кончилось бы. Но къ Княжевичу такъ отнестись было нельзя: его нужно было встрѣтить такъ, какъ потомъ и встрѣтилъ его Гоголь. Живой, любезный, энергичный, дружески расположенный къ Гоголю, онъ конечно при первой встрѣчѣ, послѣ долгой разлуки, сталъ бы, какъ говорится, теревить своего друга на всѣ лады, на что этотъ другъ долженъ былъ бы отвѣтить чѣмъ-нибудь подходящимъ. Все это, если можно такъ выразиться, клиномъ приходилось къ тогдашнему настроенію Гоголя и вызвало въ немъ нѣчто въ родѣ испуга. Если не вполнѣ такое, то подходящее состояніе, можетъ испытать каждый человѣкъ; пусть каждый вспомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ произносилъ пословицу: „не въ пору гость—хуже татарина“, и онъ легко пойметъ то состояніе, какое вызвало въ душѣ Гоголя появленіе Княжевича. Княжевичъ въ данную минуту былъ для Гоголя такимъ именно татаринѣмъ, отъ котораго онъ и „юркнулъ“ изъ дома Аксаковыхъ; сдѣлавъ это онъ безъ всякихъ размышленій, рефлексивно, подъ давленіемъ импульса, въ которомъ видную роль сыгралъ инстинктъ самосохраненія. Встрѣча съ Княжевичемъ посягала на то душевное настроеніе, въ которомъ въ данную минуту находился Гоголь; а это настроеніе было слишкомъ устойчивое, чтобы отъ него легко было отдѣлаться, и Гоголь пожертвовалъ встрѣчей для своего внутренняго спокойствія, не давая себѣ отчета въ томъ, что изъ этого выйдетъ; а вышло изъ этого нѣчто крайне непріятное: получилась неловкость, которую потомъ пришлось заглаживать, для чего у Гоголя сразу не хватило силы воли. Такъ создались условія, объясняющія второй случай встрѣчи съ Княжевичемъ. Только вызванная этимъ образомъ дѣйствій холодность со стороны семьи Аксаковыхъ, симпатіями которыхъ Гоголь очень дорожилъ, заставила его рѣшиться на шагъ, котораго

онъ избѣгалъ; а разъ первый шагъ былъ сдѣланъ и застыдливость была сломлена, дальше дѣло пошло гладко. Настроеніе Гоголя мы называли „устойчивымъ“ въ смыслѣ значительнаго ослабленія силы воли и замѣтнаго проявленія въ его дѣйствіяхъ инертности. Разъ человѣкъ становится рабомъ даннаго настроенія, то это значить, что сила воли въ немъ уже поколеблена и въ душѣ возникли условія, на почвѣ которыхъ легко можетъ зародиться фиксированная идея.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но, ставъ въ неловкое положеніе какъ къ Княжевичу, такъ и къ Аксаковымъ, Гоголь вынужденъ былъ выпутываться изъ него. Пошли обычные допросы: отъ чего, да почему? Но что могъ отвѣтить несчастный Гоголь на подобные вопросы, когда онъ и самъ не отчетливо представлялъ себѣ, отъ чего въ самомъ дѣлѣ онъ такъ поступилъ. Человѣкъ съ болѣе открытымъ характеромъ сказалъ бы, что былъ-де не въ духѣ. Гоголь же поступилъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ малыя дѣти, т. е. сталъ хитрить. Конечно, это уже характеризуетъ человѣка съ извѣстной стороны и заставляетъ задуматься какъ надъ чертами характера того народа, изъ котораго вышелъ Гоголь, такъ и надъ условіями его воспитанія; но для оцѣнки нравственной личности Гоголя здѣсь мало матеріала. Разобранный фактъ болѣе интересенъ въ психологическомъ, чѣмъ въ этическомъ отношеніи.

Совершенно также слѣдуетъ понимать фактъ, имѣвшій мѣсто около того времени въ Московскомъ театрѣ. Давали „Ревизора“. Друзья убѣдили Гоголя посѣтить представленіе, тѣмъ болѣе, что онъ еще не видѣлъ постановки на Московской сценѣ своей комедіи, чѣмъ даже обижались актеры. „Слухъ объ этомъ, рассказываетъ Аксаковъ, распространился по Москвѣ, и лучшая публика заняла бель-этажъ и первые ряды креселъ. Гоголь пріѣхалъ въ бенуаръ къ Чертковой, первый съ лѣвой стороны, и сѣлъ или почти легъ, такъ чтобъ въ креслахъ было невидно. Черезъ два бенуара сидѣлъ я съ семействомъ; піеса шла отлично хорошо;

публика принимала ее (можетъ быть, въ сотый разъ) съ восхищеніемъ. По окончаніи 3-го акта всѣ встали, обратились къ бенуару Чертковой и начали вызывать автора... Нѣсколько времени онъ выдерживалъ вызовы и громъ рукоплесканій; потомъ выбѣжалъ изъ бенуара. Я бросился за нимъ, чтобъ провести его въ ложу директора, предполагая, что онъ хочетъ показаться публикѣ; но вдругъ вижу, что онъ спѣшитъ вонъ изъ театра. Я догналъ его у наружныхъ дверей и упрашивалъ войти въ директорскую ложу. Гоголь не согласился, сказалъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать, и убѣжалъ. Публика была очень недовольна, сочла такой поступокъ оскорбительнымъ и приписала это чрезмѣрному самолюбію и гордости автора. На другой день авторъ одумался, написалъ извинительное письмо къ Загоскину (директору театра), прося его сдѣлать письмо извѣстнымъ въ публикѣ, благодарилъ, извинялся и наклепалъ на себя небывалыя обстоятельства“. По совѣту друзей письмо не было отослано, а на распросы онъ отвѣчалъ „точно тоже, на что намекалъ только въ письмѣ, т. е. что онъ передъ самымъ спектаклемъ получилъ огорчительное письмо отъ матери, которое его такъ разстроило, что принимать въ эту минуту изъявленіе восторга зрителей было для него не только совѣстно, но даже невозможно“. И тогда и позднѣе, по провѣркѣ факта, объясненіе это признано было неискреннимъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительности ¹⁾.

Таковъ фактъ. Для правильного пониманія его нужно прежде всего замѣтить, что, находясь подъ дѣйствіемъ уязвленного самолюбія, публика показала слишкомъ мало психологическаго чутія, когда поступокъ Гоголя стала объяснять самолюбіемъ и гордостью. Въ пышной оваціи лучшаго общества гордость и самолюбіе нашли бы для себя насущную пищу, и если бы Гоголь дѣйствовалъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, то онъ непременно воспользовался бы благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы порисоваться

¹⁾ С. Аксаковъ, *ibid.*, 56—57.

предъ избранной публикой: этого именно требовали гордость и самолюбіе. Какъ, далѣе, съ этими чувствами примирить послѣдовавшее потомъ извинительное письмо, которое было актомъ униженія. *Чрезмѣрное* самолюбіе и гордость такъ легко не сдаются. Намъ думается, что поступокъ Гоголя гораздо естественнѣе объяснять такимъ образомъ. Публика на этотъ разъ шла въ театръ съ цѣлью насладиться двойнымъ зрѣлищемъ: представленіемъ комедіи и самого ея автора. Гоголь шелъ съ другою цѣлью: спрятавшись въ глубинѣ ложи отъ глазъ любопытныхъ, онъ слѣдилъ за отношеніемъ къ пьесѣ публики, за игрою актеровъ, и въ тоже время контролировалъ себя какъ автора. Извѣстно, что и по выходѣ въ свѣтъ „Ревизора“ Гоголь продолжалъ работать надъ этимъ произведеніемъ. Пока публика рукоплескала и шумѣла по адресу актеровъ и комедіи, онъ конечно былъ доволенъ. Но когда этотъ шумъ обратился на него самого, когда сотни глазъ рѣшили сдѣлать его предметомъ зрѣлища, онъ, всегда отличавшійся нѣкоторою застѣнчивостію, почувствовалъ нѣчто въ родѣ нравственнаго насилія надъ собою. Человѣкъ съ мелкимъ тщеславіемъ съ удовольствіемъ выскочилъ бы впередъ, чтобы повертѣться предъ публикой; Гоголю все это показалось недостойной комедіей, отъ которой онъ рѣшилъ увернуться. Импульсъ, подъ давленіемъ котораго въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ Гоголь, принадлежитъ къ разряду такихъ тонкихъ психологическихъ явленій, что его скорѣе можно почувствовать, чѣмъ точно выразить; но если въ немъ ужъ непременно нужно отыскивать присутствіе этического элемента, то мы поступокъ Гоголя въ данномъ случаѣ назвали бы скорѣе *чрезмѣрною скромностію*, чѣмъ *чрезмѣрною гордостью*. А что касается приговора публики, то въ немъ дѣйствительно проявились слѣды уязвленного самолюбія: публика душѣ Гоголя приписала тѣ самыя движенія, которыя почувствовала въ своей душѣ. — Между тѣмъ поставленный инцидентомъ въ театрѣ въ щекотливое и непріятное положеніе, Гоголь долженъ былъ выпутываться изъ него. Растолковать людямъ истинные мотивы своего поступка, те-

перь, какъ и въ исторіи съ Княжевичемъ, было нелегко; а поэтому и придуманъ былъ болѣе легкій способъ отдѣлаться отъ докучливыхъ вопросовъ и въ тоже время найти снисходительное оправданіе себѣ въ „огорчительномъ письмѣ отъ матери“. Нужно впрочемъ замѣтить, что когда рѣчь идетъ объ истолкованіи душевнаго движенія такихъ исключительныхъ натуръ, нужно быть крайне осторожнымъ въ сужденіяхъ. При необыкновенной тонкости организаціи, при высокой подвижности нервной системы, иной разъ достаточно бываетъ самага ничтожнаго толчка извнѣ, чтобы взволновалось все существо человѣка, чтобы начавшаяся въ извѣстномъ направленіи игра нервовъ привела къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Возможно поэтому, что ссылка на письмо не была „чистой выдумкой“, что неожиданно полученное извѣстіе „о затрудненіи въ уплатѣ процентовъ по имѣнію“, какъ догадывается Аксаковъ, и было именно тѣмъ толчкомъ, который придалъ вышеуказанному настроенію Гоголя особенно острый характеръ и сдѣлалъ принятіе отъ публики шумныхъ овацій крайне непріятнымъ и психически невозможнымъ. Но вообще не нужно забывать, что Гоголь ненавидѣлъ все то, что носило показной, выставочный характеръ. Вспомнимъ, съ какимъ неудовольствіемъ онъ узналъ, что его портретъ, въ награвированіи котораго онъ „несколько разъ отказывалъ книгопродавцамъ“, безъ его согласія, напечатанъ былъ сначала въ „Москвитянинѣ“, а потомъ въ Харьковскомъ „Молодикѣ“. „Многого я не умѣю объяснить, писалъ онъ по этому поводу Шевыреву, да и для того, чтобы объяснить что-нибудь, нужно мнѣ подымать изъ глубины души такую исторію, что не впишешь ее на многихъ страницахъ; а потому, по тѣмъ же самымъ причинамъ, и не можетъ быть понятно другому, почему мнѣ такъ непріятно публикованіе моего портрета“¹⁾. А вѣдь театральная овація была тоже своего рода „публикованіемъ“ его. Понятно поэтому, что

¹⁾ Шенрокъ, т. II, стр. 533.

это было ему *непріятно* и что, *не умѣя объяснить* этого себѣ и другимъ, онъ вынужденъ былъ выдумать „огорчительное письмо отъ матери“.

Здѣсь, быть можетъ, не лишнимъ будетъ замѣтить, что, слѣдя за поведеніемъ Гоголя вообще, выносишь такое впечатлѣніе, что ему очень трудно было освоиться съ тѣмъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, которое, повидимому, совершенно неожиданно для него, создано было блестящимъ успѣхомъ его произведеній. Чтобы держаться съ достоинствомъ на высотѣ такой огромной дистанціи, нуженъ былъ особый тактъ, который обыкновенно пріобрѣтается жизненнымъ опытомъ. Несмотря на приписываемую Гоголю значительную практичность, этого высшаго такта ему несомнѣнно недоставало, вслѣдствіе чего онъ часто оказывался въ неловкомъ положеніи, бросаясь изъ крайности въ крайность и попадая, какъ говорится, изъ огня да въ полымя.

Между множествомъ обвиненій, сыпавшихся на голову Гоголя, было и обвиненіе въ *неблагодарности*. Какъ на самый разительный примѣръ такой неблагодарности, указывали на фактъ отношенія Гоголя къ Погодину. „Погодинъ, скажемъ словами Аксакова, сдѣлалъ много добра Гоголю, хлопоталъ за него горячо всегда и вездѣ, передавалъ ему много денегъ (не имѣя почти никакого состоянія и имѣя на рукахъ большое семейство), содержалъ его съ сестрами и съ матерью у себя дома и по всему этому считалъ, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться въ свою пользу талантомъ Гоголя, и заставлялъ его писать въ издаваемый журналъ“ ¹⁾. Между тѣмъ Гоголь журнальныхъ статей не писалъ, чѣмъ и вызывалъ со стороны Погодина упреки въ неблагодарности. Въ отношеніи къ этой своего рода тяжбѣ друзей симпатіи современнаго общества раздѣлились: одни обвиняли Гоголя, другіе Погодина. Полагаемъ, что настало время, когда историкъ можетъ произнести свой безпристрастный судъ, не обви-

¹⁾ Ibid., 55.

няя ни того, ни другого. Для того, чтобы оправдать Гоголя, нѣтъ необходимости обвинять Погодина въ грубости, черствости, невоспитанности, въ отсутствіи деликатности, въ неразборчивости въ средствахъ и т. д. ¹⁾. Допустимъ, что эта характеристика Погодина, говоря вообще, вѣрна; но въ данномъ случаѣ сущность дѣла не въ ней. Издавая журналъ („Москвитянинъ“), Погодинъ считалъ себя въ правѣ думать, что онъ своимъ трудомъ служить тому же дѣлу, которому служилъ и Гоголь своими произведеніями. Для успѣха журнала, который—сказать кстати—шелъ неважно, имя Гоголя было очень дорого. Будучи искренно расположенъ къ Гоголю, принося совершенно безкорыстно въ пользу его значительныя жертвы и видя, какъ Гоголь дружески принимаетъ ихъ, Погодинъ считалъ совершенно естественнымъ ждать отъ него активнаго сочувствія своему дѣлу. Два-три легкихъ разсказа, подписанныхъ именемъ Гоголя, для успѣха журнала были бы великимъ дѣломъ. Ясно, что для правильнаго пониманія этихъ ожиданій нѣтъ нужды поднимать вопросъ о желаніи Погодина эксплуатировать талантъ Гоголя. Что можетъ быть естественнѣе ожиданія, что одинъ другъ поддержитъ другого въ сродномъ его профессіи честномъ, полезномъ трудѣ? Но Гоголь поддержки Погодину не оказывалъ, отказываясь тѣмъ, что въ сію минуту онъ просто не въ силахъ исполнить требованіе своего друга. Надѣленный отъ природы натурой сильной, энергичной, дѣловитой, Погодинъ—если позволено будетъ такъ выразиться—не могъ понять этого нѣжнаго, уже въ значительной степени подбитаго, птенчика. Что тутъ дѣло въ непониманіи и недоразумѣніи, это видно изъ того, что самъ Гоголь такъ именно понималъ отношеніе къ себѣ Погодина. Вотъ характерныя въ этомъ отношеніи строки изъ письма Гоголя къ Погодину, писаннаго отъ 17-го октября 1840 г., изъ Рима. Получивъ отъ Погодина упрекъ въ продолжительномъ молчаніи, Гоголь между прочимъ писалъ ему:

¹⁾ Ibid.

„Ну, дай мнѣ свою руку! Я тебѣ прощаю, что ты огорчилъ меня. Другъ мой!... Боже! не совѣстно ли тебѣ... (что) ты многого не понялъ въ некоторыхъ случаяхъ во мнѣ. Ты суровымъ упрекомъ мужа встрѣтилъ меня тамъ, гдѣ разстроенная душа моя ждала участія нѣжнаго, почти женскаго. Я былъ боленъ тогда душою. Теперь тебѣ самому, можетъ, объясняется много, и ты, можетъ быть, видишь самъ, что ты иногда слишкомъ поспѣшенъ въ заключеніяхъ“¹⁾...

Теперь вопросъ лишь въ томъ, дѣйствительно ли Гоголь находился въ такомъ состояніи, что исполненіе просьбы Погодина относительно журнальной статьи было для него дѣломъ если не невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительнымъ? Послушаемъ, что говоритъ на этотъ счетъ самъ обвиняемый въ неблагодарности. Замѣтимъ, что не одинъ Погодинъ находилъ естественнымъ требовать отъ Гоголя статьи для журнала. И С. Т. Аксаковъ тоже находилъ, что Гоголю слѣдуетъ написать что-нибудь для Погодинскаго журнала. Получивъ отъ Аксакова напоминаніе объ этомъ, Гоголь отвѣчалъ ему: „Вы пишете, чтобы я приложилъ что нибудь въ журналъ къ Погодину. Боже, еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе! Теперь на одинъ мигъ оторваться отъ святаго своего труда (второй т. „Мерт. Душъ“) — для меня уже бѣда. Никогда бы не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Если бы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бы у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи! Но такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его. Боже! можетъ быть, двѣ-три недѣли, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванія, какъ великая,

¹⁾ Письма, II, 78.

и, можетъ быть, еще большаго и тягостно-томительнаго труда, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы,—преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать“ ¹⁾... Повѣрьте искренности этихъ словъ (а не вѣрить имъ невозможно), вдумайтесь въ ихъ истинный смыслъ, хоть отчасти, хоть на одно мгновеніе почувствуйте то, что чувствовалъ писавшій ихъ, и вы поймете, чего требовалъ Погодинъ отъ Гоголя и чему поддакивали его друзья. Представьте себѣ, что отъ страдающей родами женщины ея благодѣтельница потребовала подать стаканъ воды. Какое ничтожное требованіе и какъ, казалось бы, подло было бы со стороны просимой не исполнить этого требованія! А между тѣмъ сколько истиннаго мученія, сколько невыносимаго страданія потребовало бы исполненіе этого требованія. Въ этомъ сравненіи нѣтъ никакого преувеличенія. При упадкѣ физическихъ силъ, при оскудѣніи силы творчества, писать, особенно на заказанную тему, для Гоголя было дѣйствительно истиннымъ мученіемъ. Въ письмѣ къ Смирновой изъ Франкфурта, отъ 2 апрѣля 1845 г., жалуясь на то, что Богъ на долгое время отнялъ у него „способность творить“, Гоголь пишетъ: „Я мучилъ себя, насилывалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ—и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много разъ тоска, и даже чуть-чуть не отчаяніе овладѣвали мною отъ этой причины“ ²⁾. На эти строки можно было бы написать цѣлый психологическій трактатъ; но полагаемъ, что въ нихъ и безъ комментаріевъ все ясно. А между тѣмъ подобными жалобами переполнены письма Гоголя 40-хъ годовъ, т. е. той именно эпохи, когда велись рѣчи о „неблагодарности“ „лукаваго хохла“.

¹⁾ Письма, II, 99—100.

²⁾ Ibid., III, 37.

Но была въ характерѣ Гоголя одна черта, которая особенно заслуживаетъ нашего вниманія. Имѣемъ въ виду то качество души человѣческой, которое со времени появленія комедіи „Ревизоръ“ принято называть „Хлестаковщиной“. Извѣстно, что самъ Гоголь сознавался, что въ немъ есть „кое-что Хлестаковское“. Можно было бы набрать не мало фактовъ проявленія въ немъ, особенно въ молодые годы, Хлестаковского духа. Но достаточно напомнить хорошо извѣстный фактъ, какъ онъ, при извѣстной ограниченности своей научной подготовки, собирался, въ письмѣ къ Погодину (1835 г.), „хватить среднюю исторію томиковъ въ 8, или 9“, или какъ онъ въ письмѣ къ Максимовичу (1834 г.) заявлялъ, что онъ пишетъ Исторію Малороссіи „всею отъ начала до конца“, которая „будетъ или въ шести малыхъ, или четырехъ большихъ томахъ“ ¹⁾. О. Θ. Миллеръ совершенно основательно вспоминаетъ при этихъ словахъ Хлестакова, написавшаго какого-то своего „Юрія Милославскаго“ ²⁾.

Будучи, такимъ образомъ, въ душѣ немножко Хлестаковымъ, Гоголь, при высокому развитію въ немъ самонаблюденія, правильно понималъ, въ чемъ именно заключается сущность Хлестаковщины и указалъ намъ ключъ къ ея пониманію. „Поэты, пишетъ онъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мысли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ человѣческой, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что могутъ только нѣсколько оцѣнить (слѣдовало бы сказать—сознать и почувствовать) и съ нѣкоторою живостью выставить на глаза другимъ, и величаются чужимъ, какъ своимъ собственнымъ добромъ“ ³⁾. Въ этомъ опредѣленіи Хлестаковщины заслуживаетъ вниманія прежде всего то, что, хотя она называется *ложью*, но *ложью невинною*, или проще говоря — вы-

¹⁾ Письма, I, 276, 331, 332.

²⁾ Русск. Стар. 1875 г., т. XIV, стр. 108.

³⁾ Письма, IV, 115—116.

думкою. Дѣйствительно, настоящая ложь, въ строго этическомъ смыслѣ, непременно предполагаетъ дурные мотивы, преступныя цѣли и неразборчивость средствъ. Вотъ почему дѣйствительная ложь всегда преступна, всегда безнравственна, потому что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не вызывается инстинктомъ само-сохраненія, она непременно предполагаетъ преступное движеніе воли, хотя таковое, по стеченію обстоятельствъ, и не всегда проявляется на дѣлѣ.

Не такова по существу своему Хлестаковщина. Истинный мотивъ ея—желаніе человѣка *казаться лучше* того, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности; единственная цѣль ея—безобидное для другихъ удовлетвореніе своему самолюбію съ его мелкими развѣтвленіями; сфера ея проявленія—область поэтического творчества съ его неудержимымъ стремленіемъ къ идеализаціи. Истинные Хлестаковы не лгутъ, а выдумываютъ, наслаждаясь этимъ сами и стараясь доставить наслажденіе другимъ. Если не всѣ, то огромное большинство людей, особенно въ извѣстномъ возрастѣ, повинны въ этой слабости; но ею, какъ извѣстно, особенно грѣшатъ страстные и хищники и вообще—спортсмены, хотя это часто бываютъ люди вполне благородные и весьма симпатичные. Если смотрѣть на вопросъ съ строго психологической точки зрѣнія, то придется даже признать, что Хлестаковщина, въ противоположность лжи, вытекаетъ изъ чисто нравственного источника: корень ея въ томъ же движеніи души, которое направляетъ процессомъ нравственного развитія человѣка, именно въ стремленіи человѣка *быть* лучше того, чѣмъ онъ есть на дѣлѣ. Но, чтобы сдѣлаться *лучше*, для этого требуется серьезная, долгая, трудная, часто даже мучительная работа человѣка надъ собою, которая, предполагается, должна привести къ широкому, всестороннему развитію всѣхъ силъ и способностей души и въ частности — къ подавленію въ ней началъ эгоистическихъ и развитію на ихъ счетъ началъ альтруистическихъ. Но такая работа никому легко не дается. И вотъ человѣкъ, увлекаемый твор-

чествомъ фантазій, какъ бы предупреждая процессъ своего дѣйствительнаго развитія, трудно-достижимое стремленіе *быть* лучшимъ замѣняетъ легко достижимымъ желаніемъ только *казаться* лучшимъ. Въ этой именно способности человѣка удовлетвориться простымъ желаніемъ *казаться* лучшимъ и заключается корень Хлестаковщины. Едва-ли, конечно, есть на свѣтѣ люди, которые бы безусловно и навсегда оставались при одномъ лишь этомъ желаніи; но если они и есть, то это развѣ субъекты, одержимые полнымъ параличемъ воли, и слѣдовательно должны быть относимы къ явленіямъ патологическимъ. Обыкновенно же бываетъ такъ, что желаніе *казаться* лучшимъ сопровождается стремленіемъ дѣйствительно *быть* лучше того, что представляетъ изъ себя человѣкъ въ данное время, на данной стадіи своего внутренняго развитія. По крайней мѣрѣ у Гоголя, какъ сейчасъ увидимъ, это стремленіе къ развитію было въ высокой степени, а въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ глубокаго пробужденія религіознаго чувства, оно сдѣлалось господствующимъ явленіемъ его внутренней жизни.

Необходимымъ условіемъ, при которомъ зарождается въ человѣкѣ стремленіе къ нравственному совершенствованію, служить пробужденіе въ немъ внутренняго самоанализа. Обращаясь къ своему личному „я“ и изучая его содержаніе, человѣкъ производитъ анализъ его съ точки зрѣнія даннаго идеала и старается по совершенству послѣдняго перестраивать свое внутреннее несовершенство. Въ Гоголѣ процессъ самоанализа начался, повидимому, очень рано: къ сравнительно довольно ранней порѣ его жизни относится прямое свидѣтельство, показывающее, что въ это время работа самоанализа и сопровождающей его самокритики находилась даже въ полномъ разгарѣ. Имѣемъ въ виду извѣстныя строки въ его письмѣ къ матери изъ Любека, отъ 13 августа 1829 г. „Часто—читаемъ здѣсь—я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ создалъ сердце, можетъ (быть), единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую